

Тан Кайци помнил наказ отца — принять Мими как положено.

Поэтому на ужин он приготовил пару паровых пампушек и кукурузных лепешек, сварил кашу и даже сбегал к соседям одолжить редьку и немного вяленого мяса, чтобы сделать жаркое.

По его меркам, ужин вышел поистине царским.

Но Чжун Мань, казалось, был не в восторге. Он не доел даже одну пампушку, отхлебнул пару ложек каши и сказал, что сыт.

Тан Кайци удивился:

— Что такое? Не вкусно?

Чжун Мань спросил в ответ:

— Ты всегда один так питаешься?

— Ой, да я для себя так богато никогда не готовлю, — признался Тан Кайци. — Обычно лепешку с соленьями перехвачу — и ладно. Белый хлеб у нас не каждый день на столе бывает.

Пампушки он обычно берег для Люй Маоданя, но Чжун Мань был гостем, да ещё и нездоровым, поэтому сегодня досталось и ему.

Чжун Мань промолчал, окончательно пав духом.

Видя, что гость не ест, Тан Кайци сам быстро расправился с редькой и мясом. Между делом он добавил:

— Через пару дней фасоль и огурцы поспеют. Если редька не по нраву, я тебе фасоль пожарю или огурцов накрошу.

— Ну, давай, — вздохнул Чжун Мань.

С такими кулинарными талантами Тан Кайци можно было только надеяться не умереть с голоду.

В деревне телевизоры были редкостью, развлечений не густо, поэтому едва темнело, все забирались на кан. Наверное, поэтому в каждой семье была куча детишек.

Ни Чжун Мань, ни Тан Кайци в коровник не пошли, так что спать пришлось на одной лежанке. Благо, кан был огромный — метра три в длину. Там бы и четверо свободно поместились.

В детстве Чжун Мань часто спал на кане вместе с мамой — зимой он согревал, а летом на нем было прохладно. Он нащупал край лежанки и спросил:

— Его перекладывали?

Тан Кайци, стеливший постель, ответил:

— Ага. Старый-то совсем просел и греть перестал, батя людей нанимал, чтоб новый сложили.

Чжун Мань кивнул. Хотя он и был слеп, стены этого дома воскрешали в памяти счастливые дни с матерью.

В тот год, в начале каникул, родители сильно поссорились, и на следующий день мама забрала его в деревню. Как бы горько ей ни было, она никогда не показывала этого сыну.

Готовила вкусности, водила по соседям знакомиться с ребятами, вместе они подобрали котенка. Она всегда караулила разносчика мороженого у ворот, чтобы купить ему угощение. То лето в деревне было самым светлым в его жизни.

Но вскоре после возвращения в город мама заболела. С каждым днем ей становилось хуже, и она ушла, когда он ещё не окончил начальную школу.

Сердце Чжун Маня сжалось, словно от боли. Прошло столько лет, а тоска по матери не утихала.

Тан Кайци прервал его мысли:

— Ну всё, залезай. Я тебе постелил чистые одеяла, мать специально шила.

Чжун Мань порадовался повязке на глазах — она скрывала его покрасневшие веки.

Он справился с чувствами и сказал:

— Я ещё не мылся.

Тан Кайци хмыкнул:

— Да чего там мыться, ты и так чистый с виду. На улице похолодало, искупаешься — простудишься вмиг.

— Не усну, пока не помоюсь, — отрезал Чжун Мань.

— Ой, ну и хлопот с тобой!

Ворча, Тан Кайци всё же сходил на кухню, согрел огромный чан воды и притащил таз в комнату, чтобы гость мог хотя бы обтереться.

Чжун Маню пришлось согласиться. В детстве он сидел в таком тазу, как в ванне, а теперь только и оставалось, что закрыть дверь и обтираться полотенцем.

Закончив и переодевшись в пижаму, Чжун Мань открыл дверь. Тан Кайци зашел забрать таз.

Выходя с водой, он увидел, как Чжун Мань ощупью перебирается через порог, а к нему уже несется огромный гусь, вытянув шею.

— А ну пошел! Пошел! — Тан Кайци плеснул водой на гуся, отгоняя его. — Ты только помылся, чего на улицу вылез? Холодно ведь, замерзнешь!

Чжун Мань замялся и выдал через силу:

— Мне... в туалет нужно.

— Куда?

— В уборную.

— А, до ветру? Что ж ты сразу не сказал? По-маленькому или как?

«Обязательно ли выражаться так грубо?» — подумал Чжун Мань и сухо ответил:

— По малой нужде.

— Так и нечего выходить, — Тан Кайци затащил его обратно и усадил на кан. — Я тебе сейчас горшок принесу. Нога ещё не зажила, нечего по потемкам шастать.

И притащил ночную вазу.

Преодолевая стыд, Чжун Мань сделал свои дела. Тан Кайци всё вылил, сполоснул и поставил рядом с лежанкой — на случай, если гостю приспичит ночью.

Когда они наконец улеглись, Чжун Мань понял, что их одеяла лежат почти вплотную.

— Кан длинный, почему ты постелил так близко? — спросил он.

— Да там на другом краю сундуки стоят, места только и осталось, — пояснил Тан Кайци.

Чжун Мань проверил рукой — и верно. Он не привык спать рядом с кем-то, поэтому долго ворочался, не в силах сомкнуть глаз.

Тан Кайци, вытянув свои длинные ноги, случайно задел ступню Чжун Маня:

— Ой, а чего ноги такие холодные? Кровь плохо ходит?

Чжун Мань вытолкал его ногу из-под своего одеяла и буркнул:

— У тебя голова плохо соображает.

Тан Кайци почесал макушку:

— В детстве ты так же говорил. Послушай, а что с глазами-то случилось?

Чжун Мань ответил не сразу:

— Мачеха постаралась.

Тан Кайци аж подскочил:

— Ой, как так-то?

— Да не дергайся ты, ложись, — осадил его Чжун Мань.

Дождавшись, пока тот уляжется, он начал медленный рассказ:

— После смерти мамы я, видно, слишком много плакал, и начались сильные головные боли. Позже я выучился иглоукалыванию, сам себя лечил, помогало. Но в прошлом месяце умер отец...

Сразу после похорон мачеха предъявила завещание. В нем было четко сказано: всё имущество семьи Чжун переходит Чжун И — моему сводному брату, которому всего три года. А до его совершеннолетия делами будут заправлять его мать и её старший сын Хо Ань.

Хо Ань — сын мачехи от первого брака, он на два года младше меня. В доме его звали вторым молодым господином.

Чжун Мань не верил, что отец мог оставить такое завещание. Ведь корпорацию Чжун отец строил вместе с его матерью, как он мог отдать всё чужим людям?

Он потребовал проверки подлинности документа, но мачеха тянула время. И вот, когда у него случился очередной приступ боли и он взялся за иглы, мачеха подменила его инструмент. Иглы, вымоченные в особом составе, лишили его зрения.

А следом его просто вышвырнули из дома.

Тан Кайци, выслушав, вскипел от злости:

— Вот ведь ведьма паршивая! Что ж ты в полицию-то на неё не подал?

— Пока у меня нет доказательств, — ответил Чжун Мань. — Но как только вылечу глаза, я им этого не спущу.

Не только за слепоту, но и за фальшивое завещание он заставит их ответить. Всё, что принадлежит ему по праву, он вернет.

— Верно, верно! Прибить бы этих гадов! — Тан Кайци искренне сопереживал. — Если помощь какая нужна будет — ты только свистни, я им мигом головы проломлю.

Чжун Мань усмехнулся его деревенскому говору:

— Ладно. Заранее спасибо.

Тан Кайци хохотнул:

— Да брось ты, чего уж там. Мы же не зря в детстве помолвку справляли.

Чжун Мань: «...»